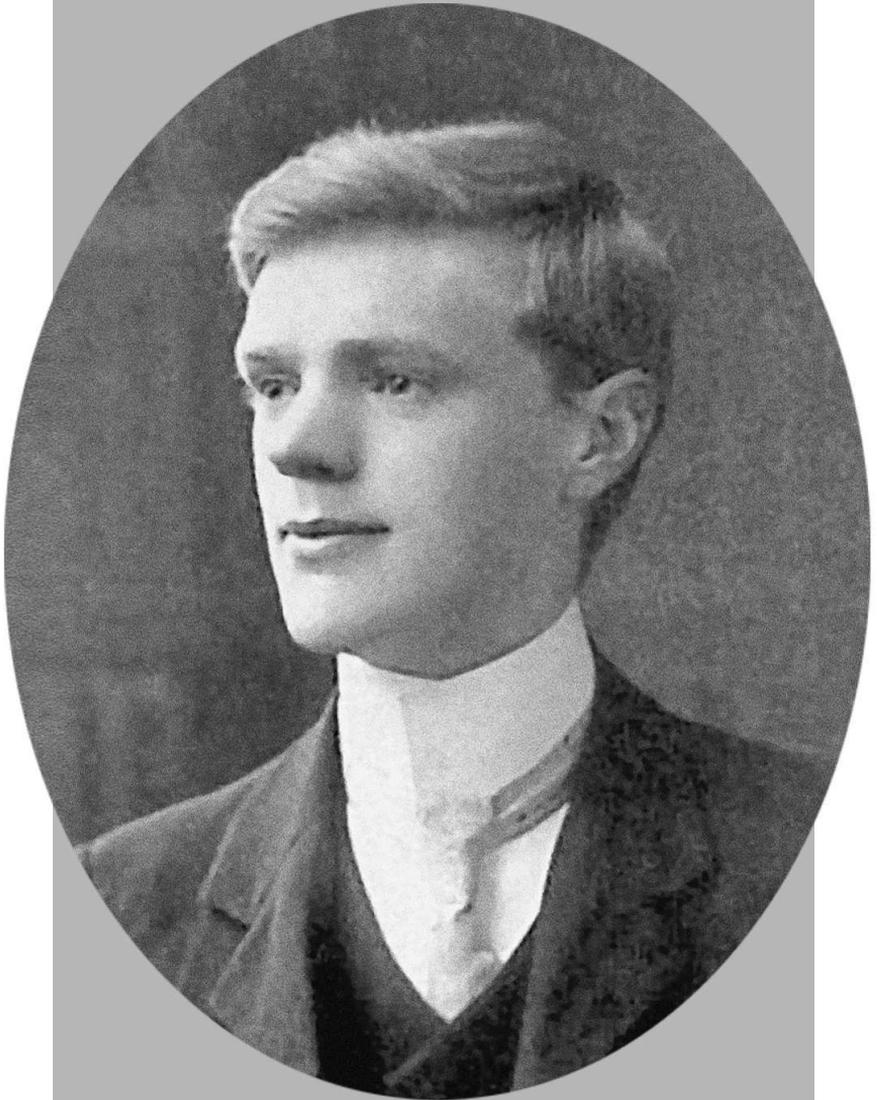

Элегантная классика

Любовник
леди Чаттерли

Дэвид Герберт
Лоуренс

Москва
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л81

David Herbert Lawrence
LADY CHATTERLEY'S LOVER

Перевод романа с английского *И. Багрова* (главы I-X)
и *М. Литвиновой* (главы XI-XIX)

Перевод эссе с английского *М. Литвиновой*

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Оформление переплёта *Натальи Каиштыкиной*

Лоуренс, Дэвид Герберт.

Л81 **Любовник леди Чаттерли / Дэвид Герберт Лоуренс ;**
[перевод с английского М. Литвиновой, И. Багрова]. —
Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-177560-5

Выход в 1928 году в итальянском издательстве романа Дэвида Герберта Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» вызвал настоящий скандал. Описание любовных сцен было признано непристойным, а само произведение воспринято как призыв к разрушению института брака. Пуританское общество Англии посчитало, что роман насмехается над социальным устройством и институтами общества и насаждает чуждые, неправильные понятия свободы, морали и отношений между людьми. Полный авторский вариант романа «Любовник леди Чаттерли» увидел свет в Великобритании, на родине Лоуренса, только спустя тридцать лет после смерти писателя, в 1960 году.

Красивая молодая женщина Констанция Чаттерли несчастлива с мужем, вернувшимся с войны инвалидом, который обречен на мучительное существование, невозможность физической близости. В ней много чувственности и женственности, она живет в ожидании любви, хотя испытывает к мужу платонические чувства. Случайная встреча с егерем мужа Оливером Меллорсом перерастает в бурный роман...

Возможно, прочитав это произведение, вы подумаете, что красивее описаний любви вы еще не встречали.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Литвинова М., перевод на русский язык.
Наследник, 2023

© Багров И., перевод на русский язык.
Наследники, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-177560-5

ГЛАВА 1

В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся горечь эту не замечать. Приходит беда, рушит нашу жизнь, а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде. Тяжкий это труд. Впереди — рытвины да преграды. Мы их либо обходим, либо с грехом пополам берем приступом. Но какие бы невзгоды ни обрушивались, жизнь идет своим чередом.

Так примерно рассуждала Констанция Чаттерли. Война в пух и прах разбила ее благополучие. Что ж, дорого придется платить за уроки житейской мудрости.

Констанция вышла замуж за Клиффорда Чаттерли в 1917 году — его в ту пору отпустили из армии домой на побывку. Промелькнул медовый месяц, и Клиффорд уехал обратно во Фландрию. А через полгода его, израненного, едва живого, привезли домой. Констанции исполнилось двадцать три года, Клиффорду — двадцать девять.

Он отчаянно боролся со смертью, явив завидную волю, и мало-помалу шел на поправку. Два года колдовали над ним врачи и вернули его к жизни, прописав, правда, разные снадобья. Но ниже пояса тело Клиффорда так и осталось недвижимым.

Шел 1920 год. Клиффорд и Констанция обосновались в родовом гнезде Чаттерли — усадьбе Рагби. Старый баронет

уже умер, сын унаследовал титул, его стали величать «сэр Клиффорд», а Констанцию — «леди Чаттерли». Семейную жизнь им пришлось начинать в довольно запустелом доме на довольно скромные средства. Из близкой родни у Клиффорда осталась лишь старшая сестра, да и та жила отдельно. Старший брат погиб на войне. Клиффорд знал, что детей у него не будет и что род Чаттерли просуществует до той поры, покуда жив он сам и его усадьба в закопченном и задымленном сердце Англии.

Увечье не столь удручало его. Передвигаться он мог на кресле-каталке и заказал себе кресло на колесах, с моторчиком. Неспешно объезжал он сад и чудесный печальный парк. Втайне Клиффорд гордился им, на людях же упоминал с небрежением.

Клиффорд так настрадался, что почти избыл самую способность страдать. По-прежнему держался чуть сдержанно, по-прежнему в голубых дерзких глазах светился ум, по-прежнему на румянном лице играла бодрая, если не сказать веселая, улыбка, по-прежнему широки плечи и крепки руки. Одежду он носил самую дорогую, галстуки — самые красивые и модные. И все же читалась в лице настороженность, а порой во взгляде сквозила и отрешенность, присущая калекам.

Заглянув в лицо смерти, он теперь принимал жизнь (точнее, то, что ему осталось) как бесценный и чудесный дар. Да, он выстоял, вынес все тяготы и гордился собою — это сквозило во взгляде умных беспокойных глаз. Но слишком тяжел был удар — что-то надломилось у него в душе, какие-то чувства безвозвратно исчезли. Опустошенность и безразличие легли на сердце.

У его жены Констанции были мягкие каштановые волосы, румяное, простодушное, как у деревенской девушки, лицо, крепкое тело. Движения обманчиво плавны и неспешны — не угадать недюжинной внутренней силы. Большие, будто вечно вопрошающие глаза, тихий, мягкий говорок — ни дать ни взять только что из соседней деревушки заявись. Но внешность обманчива. Ее отец — некогда довольно известный художник, достопочтенный сэр Малькольм Рид.

Мать — женщина образованная, сторонница фабианства в политике, взращенная на традициях Возрождения в искусстве, столь пышно расцветших в середине прошлого века¹. В кругу художников и просвещенных социалистов Констанция и ее сестра Хильда воспитывались, можно сказать, в современной эстетической атмосфере, без мещанских условностей и предрассудков. Девочек возили в Париж, Флоренцию, Рим — надышаться подлинным искусством; в Гаагу и Берлин — на съезды социалистов; на каких только языках там не произносились речи! Но это отнюдь не смущало присутствующих.

Итак, сызмальства окунувшись в сферы высокого искусства и теории справедливого жизнеустройства, девочки ничуть не тушевались, напротив, чувствовали себя в родной стихии. Столичный лоск в них прекрасно уживался с ограниченностью провинциалок. И как хорошо сочеталось их простодушное суждение о мировом искусстве с высокими идеалами справедливого общества!

Лет пятнадцать их послали в Дрезден. Там, помимо всего прочего, им предстояло приобщиться к миру музыки. Время они провели замечательно. Жили в студенческой среде. Жарко спорили с юношами о философии, общественной жизни, искусстве и ни в чем не уступали сильному полу, пожалуй, даже превосходили: как-никак они женщины! Ходили в походы по лесам, и у ладных их спутников непременно оказывались гитары. Сколько песен они перепели, наслаждаясь свободой. Свобода! Какое великое слово! Перед ними распахнут весь мир, их привечают предрассветные леса, рядом — здоровые молодые парни. Делай что хочешь, говори (это еще важнее!) что хочешь! Ведь разговоры, страстные споры, обмен мнениями — главное! А любовь — нечто второстепенное!

К восемнадцати годам и Хильда и Констанция уже позна-

¹ Имеется в виду группа английских поэтов и художников «Прерафаэлитское братство». (Здесь и далее, где не указано иначе, примечания переводчиков.)

ли мужчин. Конечно же, их спутники, с которыми они так неистово спорили, так ладно пели, ночевали под раскидистыми деревьями, добивались близости с девушками. И те, поколебавшись, уступили. Ведь о половой жизни столько говорят. Значит, это и впрямь нечто важное. Да и мальчишки ведут себя достойно, сдерживая страсть. Так почему же девушке не проявить воистину царскую щедрость и не одарить поклонника своим телом?

И девушки одарили, выбрав наиболее остроумных и задушевных собеседников. Ведь самое приятное, самое главное — в беседах. А в постели — жалкое подобие приятного, пожалуй даже разочарование. И девушки сначала охладели к приятелям, потом появилась неприязнь: будто парни посягнули на нечто сокровенное, на внутреннюю девичью свободу. Ибо в чем суть и смысл девичества, в чем его достоинство? Достичь полной, безоговорочной, беспорочной и благородной свободы! В чем еще смысл девичьей жизни? Решительно избавиться от стародавних постыдных оков.

И как бы ни приукрашивали все прелести половой жизни, именно они суть древнейшие оковы, орудия постыднейшего рабства. И воспевали их в основном поэты-мужчины. Женщины-то исстари понимали, что есть на свете ценности поважнее, поблагороднее. И наш век не раз это подтвердил. Свобода, чистая, прекрасная свобода несравнимо выше и чудесней любви плотской. Только вот беда, не доросли еще мужчины до прекрасного пола, не открыли для себя истины. Настоящие кобели — им бы только плоть свою потешить.

И приходится женщине уступать. Но мужчина, как дитя малое, меры не знает. И приходится женщине его ублажать. Не дай бог, разобидится милый и упорхнет, порушится приятное знакомство. Но женщина научилась уступать мужчине, не жертвуя и толикой своей внутренней свободы. Этого-то и недоглядели поэты и говоруны-сладоэротисты. Женщина может овладеть мужчиной и не подпасть, в свою очередь, под его власть. А овладеть им ей поможет плоть.

Главное — поначалу чуть сдерживаться в постели, пусть мужчина утолит жажду. А когда он получит свое, время и женщины подумать об удовольствии — мужчина далее лишь игрушка в ее руках!

Едва сестры вкусили от плотских радостей, как грянула война и их спешно отправили домой. Истинной любви девушки так и не познали, для этого потребовалось бы очень близко сойтись со спутниками в разговоре. Точнее, лишь в беседе мог гнездиться как глубокий интерес, так и большое чувство. Сколько удивительного, упоительного трепета (кто бы мог подумать!) таилось в жарких, бесконечных — днями напролет — спорах с тем или иным по-настоящему умным парнем. И день бежал за днем, месяц проплывал за месяцем... Непередаваемое, неземное блаженство! Добавив к прародительскому завету «и да прилепится жена к мужу» концовку — «дабы беседовать с ним», — девушки хотя и не произнесли его вслух, даже толком не осмыслили, тем не менее жили строго по нему.

И уж коль скоро пылкие, предельно доверительные и душепросветительные беседы разбудили плоть, что ж, пусть все идет своим чередом. Заполнится, так сказать, еще одна страничка жизни. И в ней есть своя прелесть. Ни с чем не сравнить волнами накатывающий трепет. И вот — девятый вал — извержение! Точно восклицательный знак в конце фразы! Знак исполненности и законченности. Или череда звездочек в конце главы, знаменующая завершение эпизода.

Летом 1913 года, когда девушки (Хильда — двадцати, а Конни — восемнадцати лет) вернулись на каникулы домой, отец сразу смекнул, что дочери уже познали мужчин. Но сам человек, как говорится, бывалый, он решил не вмешиваться в течение их жизни. Мать, доживавшая свой век в сильном нервном расстройстве, пеклась лишь об одном: чтоб они были «свободны», чтоб их личности «полностью раскрылись». Самой бедняжке жизнь в этом отказала, «раскрыться» ей так и не удалось. Почему — ведомо лишь Господу, ведь она жила в достатке и независимо. Винула она во всем мужа. И напрас-

но: сызмальства в ее сердце и уме запечатлелся образ мужчины-повелителя, и избавиться от него так и не удалось. И сэр Малькольм ни при чем. Он предоставил своей неуравновешенной, вечно недовольной, враждебно настроенной супруге распоряжаться ее собственной судьбой, выгородив ее из своей жизни.

Дочери и впрямь были «свободны», а потому вернулись вскорости в Дрезден, к музыке, университетским премудростям и приятелям. Каждая по-своему любила «своего» парня, и те тоже любили их со всей пылкостью, коренившейся не в сердце, а в уме. Все самые прекрасные мысли, слова подарили они своим возлюбленным. Приятель Конни занимался музыкой, приятель Хильды — точными науками. Но главное занятие в жизни — любимые девушки. То бишь в жизни внутренней, в сфере мыслей и чувств. В жизни обыденной у них бывали и неудачи, и разочарования, но юноши их не замечали.

И у юношей можно заметить, как любовь поражает не только их дух, но и плоть. Интересно, как неброско, но очевидно меняется обличье и мужчин и женщин. Женщина расцветает, теряет девичью угловатость; бедра, груди обретают округлость. Взгляд либо взволнован, либо торжествующе-уверен. Мужчина делается спокойнее, чуть замыкается, не так гордо размахнуты плечи, подобраны ягодицы. Появляется раздумчивость и неуверенность.

Поначалу, столкнувшись с незнакомой мужской силой, которая ввергла их плоть в трепет и смятение, сестры едва не подчинились ей. Но вовремя возобладал разум: да, ласки приятны, но не более. В кабалу за них идти нельзя. У мужчин по-другому: в благодарность женщинам за минуты любви они готовы всю душу отдать. Хотя потом сами же в затылках чешут — эх, потеряли золотой, а нашли медяк. Приятель Конни становился все мрачнее, а приятель Хильды — язвительнее. Такой вот народ эти мужчины. Неблагодарные и ненасытные! Отказываешь им — они сердятся, потакаешь — пуще прежнего злобятся, повод всегда найдется. А то и вовсе без

повода, просто капризничают, как дети, которых — старайся не старайся — женщине не ублажить.

Грянула война. Хильда и Конни поспешили домой, где были совсем недавно — хоронили мать. А к Рождеству 1914 года погибли и их друзья-немцы. Сестры всплакнули, любовь полыхнула в душе ярким огоньком и подернулась пеплом забвения. Этих молодых людей не вернешь.

Сестры поселились в отцовском доме в Кенсингтоне (по сути — доме их матери). Теперь их окружали студенты Кембриджа, они тоже отстаивали свою «свободу»: носили тонкие шерстяные костюмы, рубашки с отложными воротничками, кичились чистокровной анархией чувств, говорили вкрадчивым, журчащим шепотком, в поведении выказывали нарочитую впечатлительность и ранимость.

Хильда неожиданно вышла замуж; ее избранник был на десять лет старше, из той же кембриджской группы, немало-го достатка, с нехлопотным чиновничьим местом, которое досталось ему по наследству. Он также писал философские трактаты. Она переехала к нему в тесноватый домик в Вестминстере. Круг знакомых теперь составляли чиновники хоть и не самого высокого ранга, зато, несомненно, самые толковые на сегодняшний (или на завтрашний) день в стране. Такие люди не пустословят, а если уж заговорят, то умно и веско.

Конни участвовала в благотворительной работе в помощь фронту, однако не особенно усердствовала; проводила много времени в обществе своих кембриджских друзей, щеголявших не только модными брюками, но и непримиримыми взглядами. Эти молодые люди по-прежнему подсмеивались над всем и вся. Особенно она сблизилась с Клиффордом Чаттерли. Было ему двадцать два года, и он только что приехал из Бонна, где изучал технологию угольной добычи. А до этого два года проучился в Кембридже. Теперь, облачившись в лейтенантскую форму, он с большим форсом осмеивал все на свете. Принадлежал он, несомненно, к кругам высшим, нежели Конни. Та — из зажиточной

интеллигентской среды, Клиффорд — из аристократии. Не ахти какой знатной, но все же. Отец его носил титул баронета, мать — графская дочь.

Клиффорд хоть и получил лучшее, чем Конни, воспитание, хоть и вращался в свете, уступал ей в широте кругозора и напористости. В узком кругу помещиков-аристократов, «сливок общества», он чувствовал себя как рыба в воде, но с низшими сословиями — ордами простолюдинов — и иноземцами он терялся, робел. Да, если уж говорить начистоту, «низы» пугали его. Он чувствовал свою незащищенность, оттого бывал скован, хотя лучшей защитой ему служило положение в обществе. Увы, в наши дни, как ни странно, это козырь немалый.

Может, именно поэтому тихая, спокойная, но неизменная твердость духа привлекла его в Констанции Рид. В мире, где царит хаос, она чувствовала себя много увереннее, чем Клиффорд.

Нет, он отнюдь не мирился со всем, он восставал, восставал даже против аристократов. Впрочем, «восставал», пожалуй, сильно сказано. Слишком сильно. Просто в ту пору его подхватила волна всеобщего среди молодежи протеста против условностей, против любой власти. Как нелепо и смешно старшее поколение! А его собственный отец — вдвойне! Как нелепы и смешны чиновники! А наши трусливые и ленивые бюрократы — вдвойне! Как нелепы армии, смешны тупоголовые генералы. А красномордый Китченер¹ — вдвойне! А до чего ж нелепа война, смешного, правда, в ней мало: гибнут тысячи и тысячи людей.

Если приглядеться — все в жизни нелепо и смешно, прямо обхохочешься; а там, где попахивает властью, — и подавно, будь то армия, правительство или университет. А глядя, как

¹Горацио Герберт Китченер (1850–1916) — военный министр Великобритании (1914–1916), создавший в начале Первой мировой войны армию добровольцев. К 1916 г. армия Китченера насчитывала 3 млн человек; существовала до введения воинской повинности. (*Примеч. ред.*)

правлящий класс изо всех сил пыжится, воображая, что правит, разве удержишься от смеха?

Как смешон сэр Джеффри: он рубил деревья на крепезж для окопов, увольнял шахтеров, поставляя солдат для фронта. И так, не рискуя волоском с головы, являл пример патриотизма, правда очень накладного — он в конце концов едва не обанкротился.

Из центра страны в Лондон приехала его старшая дочь Эмма — она решила поработать сестрой милосердия. К отцовскому ура-патриотизму она отнеслась со спокойной улыбкой. Зато старший сын (и наследник) Герберт смеялся отцу в лицо, хотя именно в его парке вырубались деревья. Клиффорд тоже усмеялся. Но чуть смущенно. Верно, все в жизни нелепо. Но когда нелепости вырастают в твою жизнь, и сам становишься нелепым... Люди из других сословий, например Конни, жили без притворства. Они, по крайней мере, во что-то верили.

Они непритворно жалели английских солдат, боялись призыва в армию, сетовали на нехватку сахара и конфет детишкам. Ведь во всем этом — смейся не смейся — виноваты власти предрежащие. Клиффорд всерьез об этой связи не задумывался. По его разумению, власть изначально нелепа и смешна, ни солдаты, ни конфеты тут ни при чем.

Меж тем правительственные чиновники, чувствуя свою нелепость и смехотворность, соответственно и поступали, и некоторое время страна жила словно в сумасшедшем доме. Пока не поменялось к лучшему положение на фронтах, пока Ллойд Джордж¹ не пришел к власти и не спас-таки положение. Приумолкли юные острословы, неуместны стали их насмешки.

В 1916 году погиб Герберт Чаттерли, и наследником стал Клиффорд. Даже такая маленькая ответственность напугала

¹ Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.; в 1908–1915 гг. — министр финансов. (*Примеч. ред.*)

его. С рождения его почитали как сына сэра Джеффри, дворянского отпрыска, и участи своей ему не избежать. Знал он и то, что на бескрайнем и таком беспокойном белом свете всякие титулы и привилегии видятся кому желанными, а кому и смешными. И вот теперь он наследник и отвечает за судьбу родового гнезда. Как не испугаться?! Но в то же время он упивался своим барством. Может, это глупое тщеславие?

Для сэра Джеффри, разумеется, самая мысль о тщеславии показалась бы кощунственной. Он ходил бледный, делано-спокойный, погруженный в собственные замыслы: во что бы то ни стало спасти свою родину и свое положение, при правительстве Ллойд Джорджа или при каком ином — не важно. Он так плохо представлял себе истинную Англию, так был оторван от сиюминутных ее забот, что держался доброго мнения даже о политиках-прохвостах. Сэр Джеффри верил в Англию и Ллойд Джорджа, как его предки издревле верили в Англию и святого Георгия. Чаттерли-старший этой маленькой разницы так и не заметил. Он знай себе валил лес на своих угодьях и свято верил в Ллойд Джорджа и в Англию, в Англию и... Ллойд Джорджа.

Он очень хотел, чтобы Клиффорд женился и произвел наследника. Прямо средневековое какое-то, думал Клиффорд. Впрочем, далеко ли он ушел сам, разве что в язвительных насмешках над нелепой жизнью и над собственным смехотворным положением. Хочешь не хочешь, а пришлось ему, сдерживая глумливый смех, смириться: принимать ему и титул баронета, и родовую усадьбу Рагби.

Война в два счета покончила с беспечным весельем мирных дней. Кругом смерть, кровь... Мужчине хотелось уюта, поддержки. Мужчине хотелось в тихую гавань, где можно бросить якорь. Мужчине хотелось жениться.

Странное дело: несмотря на многочисленные знакомства, младшие Чаттерли (Герберт, Клиффорд и Эмма) жили в Рагби весьма обособленно, довольствуясь обществом друг друга. Семейные узы крепили: все трое чувствовали свою обособленность, шаткость своего положения среди людей

(титул и земли скорее способствовали тому, нежели защищали). Жили они вроде бы и в самом промышленном сердце Англии, однако пульс их жизни был совсем иной. Жили они вроде бы среди таких же помещиков, как и отец, однако из-за домоседства, замкнутости и упрямства они так и не сблизилась с соседями. Дети, хотя и нежно любили отца, частенько подсмеивались над его тяжелым нравом. Они поставили прожить всю жизнь неразлучной троицей. Но вот погиб Герберт, и сэр Джеффри все надежды связал с женитьбой младшего сына. Нет, разговора об этом старик не заводил, он вообще был скуп на слова. Но его задумчивый взгляд, тяжелые, неспешные шаги, исполненное смысла молчание нудили Клиффорда пуце всяких попреков.

Его браку, впрочем, решительно воспротивилась Эмма. Была она десятью годами старше и считала: женится Клиффорд — значит, предаст и опорочит некогда изъясленную волю троих юных Чаттерли.

Все же Клиффорд женился на Конни и успел провести с ней медовый месяц. Страшный 1917 год сблизил их — так вмиг сближаются пассажиры на палубе тонущего корабля. До женитьбы Клиффорд не спал с женщинами, а плотские утехы значили для него очень и очень мало. А душевная близость с женой не нарушила его девства. Конни даже обрадовалась: вот истинная любовь, выше всяких там сексуальных отношений, выше «удовлетворения страсти». Клиффорд, собственно, и не домогался никакого удовлетворения, не в пример многим и многим мужчинам. Его близость с Конни глубже, интимнее близости половой, которая суть далеко не обязательное, второстепенное. Так, допотопная и смехотворно нелепая биологическая реакция, назойливо заявляющая о себе, а меж тем надобность в ней давно отпала. А Конни мечтала о ребенке. Хотя бы для того, чтобы утвердиться перед золовкой.

Но в начале 1918 года Клиффорда привезли домой, что называется, еле-еле душа в теле. Детей ждать не приходилось. Сэр Джеффри не вынес горя и умер.